

Сазонова Н. И.

СЛАВЯНСКАЯ КНИГА: К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЛАВЯН

Рассматриваются проблемы сохранения и трансляции славянского культурного наследия через традицию книжности. Анализируется роль устного и письменного дискурсов в славянской культуре, специфика восприятия письменного текста и проблемы трансляции культурной традиции через книгу. Делается вывод о необходимости учитывать специфику книжности, ее бытования и особенности восприятия при современных исследованиях славянской книги.

Ключевые слова: *славянская книжность, письменный дискурс, устный дискурс, церковно-славянский язык, богослужение, богослужебный текст.*

Роль книги в сохранении и трансляции культурного наследия многократно рассматривалась исследователями (Лобачев, 1996; Поздеева, 1993; Шапилова, 2008; Поздеева, Пушков, Дадыкин, 2001; Аксенова, 2011 и др.). Пристальное внимание научного сообщества к книге как фактору сохранения культурной памяти объяснимо прежде всего особой ролью в культуре вербального текста, который транслирует книга. По словам Ю. М. Лотмана, «...центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно организованные языки. В первую очередь, это естественный язык данной культуры. Можно сказать, что если ни один язык (в том числе и естественный) не может работать, не будучи погружен в семиосферу, то никакая семиосфера... не может существовать без естественного языка как организующего стержня. Дело в том, что наряду со структурно организованными языками в пространстве семиосферы теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры и языкоподобные полуоформленные образования, которые могут быть носителями семиозиса, если их включают в семиотический контекст. Это можно сравнить с тем, что камень или причудливо изогнутый древесный ствол может функционировать как произведение искусства, если его рассматривать как произведение искусства. Объект приобретает функцию, которую ему приписывают... Для того чтобы воспринимать всю эту массу конструкций как носителей семиотических значений, надо обладать „презумпцией семиотичности“: возможность значимых структур должна быть дана в сознании и в семиотической интуиции коллектива. Эти качества вырабатываются на основе пользования естественным языком» (Лотман, 2000: 254).

При этом, как справедливо отмечает А. А. Кибрик, в ходе развития человеческой цивилизации зачастую приобретала «экстраординарную культурную роль» письменная форма языка: «Многие культуры были фактически созданы вокруг тех или иных сакральных письменных текстов... Это обеспечило письменной форме языка высокий престиж и создало обычно неэксплицируемое, но популярное убеждение, что письменный язык – истинный, „чистый“, „правильный“, освобожденный от всяких случайностей, собственно единственная форма языка, заслуживающая просвещенного внимания ученых, а устный язык – всего лишь „испорченная“ версия этого правильного языка» (Кибрик, 2009: 2).

К числу культур с экстраординарной ролью письменных текстов относится и христианская культура славянства, также возникшая вокруг сакральных текстов, переведенных на славянский язык святыми Кириллом и Мефодием. Системообразующая роль письменных текстов и в современных славянских культурах, в частности в русской, сохраняется до настоящего времени, именно они, как правило, воспринимаются как транслятор культурных ценностей и гарант сохранения культурной памяти. Однако специфика возникновения этих текстов и их взаимодействия с культурной средой заставляют пристальнее всмотреться как в способы и формы трансляции культурного наследия через письменные тексты, так и в транслируемое ими культурное содержание.

Говоря о роли письменного текста в культуре, необходимо отметить, что исторически более ранней формой языка является устный дискурс, однако понимание этого обстоятельства в науке получило развитие лишь с 1970-х гг., когда благодаря работам, в частности, У. Чейфа (Чейф, 2009) были выявлены достаточно серьезные различия между устным и письменным дискурсами. К числу этих различий относятся особенности порождения словесного текста (скорость письма существенно ниже скорости устной речи), специфика его понимания (в устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, в письменном процесс понимания связан с усвоением содержания текста в целом, по его прочтении), различные отношения между адресантом и адресатом (при устном дискурсе всегда сохраняется их контакт, при письменном, как правило, имеет место расстояние, пространственное и (или) временное, разделяющее адресанта и адресата) (Чейф, 2009; Кибрик, 2009). М. Маклюэн отмечает, что в письменном дискурсе слова теряют свой динамизм, «становятся статическими вещами», частью визуального мира, отделенного от конкретного человека: «Они почти полностью утрачивают элемент личной обращенности, так как слышимое слово обычно направлено на тебя, в то время как видимое слово этого лишено и может быть прочитано так или иначе, по желанию. Они теряют... эмоциональные обертоны... Таким образом, слова, становясь видимыми, присоединяются к миру индифферентному по отношению к зрителю, миру, из которого магическая сила слова была исключена» (Маклюэн, 2004: 29–30). Тем самым при возникновении письменности происходит разделение в восприятии слова, которое начинает восприниматься не только как слово звучащее, но и как визуальный феномен, отделенный от читателя, «индифферентный» ему.

Переход от слова звучащего к слову написанному сопровождался на первых порах сохранением практики чтения текста вслух. Как отмечает М. Маклюэн, «средневековый читатель за некоторыми исключениями читал не так, как это делаем мы; он пребывал на стадии первоклассника, бормочущего себе под нос. Каждое слово для него было отдельной сущностью, а порой и проблемой, которую он нашептывал себе до тех пор, пока не находил решения» (Маклюэн, 2004: 132). Вместе с тем приоритет визуально воспринимаемого слова над звучащим складывается уже в этот период, хотя пока молчаливое чтение воспринимается как редкость: например, такая практика вызывала удивление у почитателей св. Амвросия Медиоланского, любившего читать книги молча (Ткачев, 2014).

Особый случай в этом отношении представляет собой культура славян, где появление книжности, т. е. письменного текста, непосредственно связано с появлением новой религии – христианства, и в этом случае отрицание язычества одновременно является и отрицанием культурного приоритета устного слова перед письменным. В то же время появившийся письменный, так называемый церковно-славянский, язык не случайно получил именно такое наименование: будучи основан на разговорном славянском языке, он, однако, соответствовал этому языку далеко не в полной мере.

Как отмечает священник Димитрий Кирьянов (Кирьянов, 2002), переводчики богослужебных текстов столкнулись с тем, что в славянском языке необходимо было создавать новую лексику, отражающую «высокие понятия православной веры, философии, науки». Отмеченный феномен характерен для жизни любого языка в культуре, так как словарь этноса включает в себя только лексику, актуальную для данной культуры, в то время как явления чуждые лексически (и культурно) не существуют. При смене же культурной парадигмы (в данном случае в связи с принятием христианства) естественным образом требуется и изменение лексического состава языка под новые культурные реалии. Исследователями установлено, что переводчики текстов на славянский язык пользовались для достижения этой цели как заимствованиями из других языков (латынь, греческий), так и сложением слов славянского языка с образованием таких неологизмов, как «благодать», «милосердие», «благоволение» и другие. Таким образом, новая «версия» славянского языка отличалась от разговорного по своему лексическому составу.

В связи с этим и возникла едва ли не уникальная ситуация, когда письменный язык не просто отличается от устного в плане порождения и понимания дискурса, но отличается также и содержательно, в лексическом и смысловом отношениях. При этом в силу того что христианство позиционировало себя как религия, идущая на смену язычеству и противопоставляющая себя ему, именно новый язык признавался высокой истиной и эталоном.

Наконец, особое отношение к книжности, т. е. к письменному тексту, в славянских (в частности, и в русской) культурах базировалось и на специфике получения религиозного опыта, легшего в основу смены культурной парадигмы. Если богослужение в Византии имело своим источником опыт непосредственного богообщения апостолов с Христом, «вокруг» которого вырос богослужебный чин (Скабалланович, 2004), то в странах, куда христианство приходило через Византию, ситуация была обратной: религиозный опыт не предшествовал формированию богослужения, а, напротив, обуславливался им. Общеизвестен рассказ летописца о выборе веры, согласно которому князь Владимир делает окончательный выбор в пользу христианства, после того как его послы рассказывают, как они сами побывали на богослужении в Великой церкви Святой Софии в Константинополе: «Пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы, ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького, так и мы не можем уже здесь пребывать» (Повесть временных лет, 1996: 186). Отсюда бережное и ревностное отношение ко всем элементам богослужения, включая и сами богослужебные тексты.

Все эти факторы, конечно, дополнительно стимулировали представление о приоритетности письменного текста как главного транслятора именно христианских ценностей. Весьма характерно, что элементы язычества на Руси (например, сказки, загадки) бытовали практически исключительно в устной форме, так как запись ассоциировалась с сакрализацией. Таким образом, письменный текст явился одним из главных трансляторов христианских ценностей в славянской культуре, и именно это обусловило и специфику трансляции, и возникающие в этом плане проблемы, связанные с особенностями восприятия письменного текста.

Как уже говорилось, письменный текст, в отличие от устного, предполагает известную отстраненность читающего от текста во времени, а часто и в пространстве. Что касается сакрального письменного текста, то здесь отстраненность дополнительно обуславливается и тем, что этот текст, возможно, в большей степени, чем любой другой, говоря словами Ю. М. Лотмана, «отбирает себе аудиторию», формируя ее «по своему образу и подобию» (Лотман, 2000: 202). Понимание текста славянской книги невозможно без знания определенной религиозной и богослужебной традиции, без погружения в ее пространство. Так, уже в первые века христианства на Руси имели место существенные расхождения разговорного славянского и церковно-славянского языков, о чем говорилось выше. Это уже тогда означало строгое разделение «мира» и религиозной жизни как сферы богообщения. Закономерно, что позже идет нарастание значительных расхождений двух «изводов» славянского языка, и церковно-славянский язык сознательно избирается как язык общения с Богом, следовательно, и тексты его «отвергают» читателя, не погруженного в сферу христианского богослужения. Например, на живущего богослужебной жизнью верующего рассчитана такая особенность письменного текста, как написание ряда слов с так называемыми титлами: как отмечает иеромонах Алипий (Гаманович), «не всякое слово пишется под титлом, но только слова, обозначающие предметы, особо уважаемые и почитаемые» (Гаманович, 1991: 20–21), причем написание того же слова без титла меняет его смысл на семиотически прямо противоположный. Например, слова «Господь», «Бог», написанные под титлом, означают Бога, без титла – языческого идола, «ангел» с титлом означает ангела, без титла – злого духа и т. д. Знаком сакральности обозначаемого понятия является написание с титлом та-

ких слов, как «блаженный», «святой». Нередко и написание под титлом и слова «человек». При этом полное без титла написание слова характерно, например, для покаянных молитв в чине исповеди, где подчеркивается греховность кающегося. Само понимание этих особенностей текста человеком, естественно, предполагает длительное и полное «вживание» в текст, личное общение с Богом через участие в богослужении, молитву. Именно такую аудиторию и «отбирает» себе славянская книга.

Вместе с тем «погружение» в среду богослужения через письменный текст имеет и свою специфику, связанную с потенциальной возможностью нарастания отстраненности от процесса, богослужебного действия. Представляется, что в определенной степени с особенностями восприятия письменного текста, лежащего в основе христианской культуры на Руси, связано постепенное нарастание так называемого «обмирщения» культуры, т. е. известной отстраненности от реальности и ценностей, транслируемых книгой. Пример России показывает, что первоначально эта отстраненность парадоксальным образом имеет форму крайней ревности об «исправлении» письменного текста, понимаемого как основа богослужения, нахождении «идеального» его варианта.

Примечательно, что проблема «книжного исправления» особенно остро встала в России после периода Смутного времени, который сопровождался и определенными кризисными явлениями в духовной жизни. Так, в начале XVII в. богослужебную книгу «Требник» правили по 20 спискам, в том числе по пяти греческим, архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий, старец той же обители Арсений Глухой и священник из монастырской Климентьевской слободы Иван Наседка (Булгаков, 1996: 69). При патриархе Иосифе (1642–1654 гг.), в период преодоления последствий Смуты и установления политической стабильности в результате укрепления новой династии, исправление книг пошло в более серьезных масштабах, несмотря на то что сам патриарх Иосиф не был активным участником исправления. В последние несколько лет перед литургической реформой патриарха Никона свою лепту в книжную справу внес и так называемый кружок ревнителей благочестия, группа близких к царю и патриарху духовных лиц, в число которых входили будущие лидеры старообрядчества: при их участии в последние 7–8 лет перед реформой издан был Московским печатным двором ряд богослужебных книг (Румянцев, 1975). Вместе с тем наряду с «исправлением» письменных текстов в это время столь же большое (если не большее) внимание уделяется порядку богослужения, нравственному состоянию духовенства и верующих, в связи с чем большое значение имело, например, введение в церковную практику проповедей (Сазонова, 2008: 34).

К идее «книжной справы» как основного элемента преодоления кризиса в духовной жизни обращается патриарх Никон, реформа которого, собственно, в основном и сводится к «книжному исправлению» и в несколько меньшей степени – к реформированию невербальных элементов богослужения. То, что именно изменение письменного текста понималось как «магистральное» направление реформы, подтверждается материалами церковных соборов, на которых обсуждалась в основном именно «книжная справа» (Сазонова, 2008: 36–37).

Именно литургическая реформа патриарха Никона впервые достаточно явно обозначает и последствия сосредоточенности на письменном тексте, его лексической и грамматической точности. В период реформы и противостояния ее сторонников и противников (старообрядцы) выявилось кардинально разное отношение к письменному тексту у спорящих сторон. Очень показательной является полемика по поводу одного из текстовых изменений. Речь идет о так называемой «молитве духу лукавому», как ее называли старообрядцы. В этой молитве – на освящение воды в чине крещения – слова «...да не снидет со Крещаемым дух лукав» расширены до «...да не снидет со Крещаемым, молимся Тебе, Господи, дух лукавый». Возражение старообрядцев основывалось на интонации, с которой произносится молитва, благодаря чему происходит смещение смысловых акцентов. Один из полемистов, иеромонах Симеон Полоцкий, однако, возражает

на этот тезис, в частности священника Никиты Добрынина, следующим образом: «На богословие вооружися, от грамматики рачителей удобь попирается безумный Никита со своими сверстники. Море хотя изследити, се, и на брезе тонет. Да приидут отроцы грамматическую (а не молящиеся! – Н. С.), и да почудятся сему бусловцу, яко не весть сочинения... Подобае же сия словеса, Молимся Тебе, Господи, во вместительных умствовати, а не относити Господи до духа: ибо не согласуют в падежи» (Симеон Полоцкий, 1667: 43–44). Таким образом, основанием для изменения текста, по мнению Симеона, служит его грамматическая стройность, а не богослужбное употребление, связанное с определенной интонацией, могущей изменить смысл написанного при воспроизведении его вслух. Подобное, по меткому замечанию Б. А. Успенского, «отвлечение от употребления» (Успенский, 1994: 347) свидетельствовало о том, что отстраненность читателя от письменного текста и текста от читателя в конечном итоге привела к рационалистическому, практически – внерелигиозному осмыслению текста как некоей суммы лексических и грамматических конструкций, безотносительно к его содержанию, что, в свою очередь, стало препятствовать трансляции религиозных и культурных ценностей через письменный текст и стимулировало дальнейшее обмирщение культуры, при нарастании сначала замкнутости, а затем и маргинализации ее религиозной составляющей.

Представляется, что рассмотрение славянской книги как некоего самодостаточного и замкнутого в себе феномена, которое начало формироваться в России еще в XVII в., до настоящего времени составляет одну из проблем изучения книжности. Еще в начале XX в. П. А. Флоренский указывал на эту проблему, связанную и с повседневным восприятием, и с собственно научным изучением книги: «Читать Евангелие „в кабинете“, вне молитвы – это не только грешно, но и нелепо, ибо это значило бы изучать живое, предварительно умертвив его». «Собственно, – пишет П. А. Флоренский, – и читать-то Священное Писание нельзя не богослужбно, не молитвенно, вне богослужения... отвлеченно от него, ибо это значит – омирщать его, хотя бы оно и очень нравилось, подобно тому, как нельзя надевать на улице фелонь потому только, что это одеяние красиво, ибо такой способ действовать был бы омирщением священных одежд» (Флоренский, 2006: 70). Именно это «омирщение» и должно преодолеваться в современных исследованиях. При признании особой роли книжности в культуре, роль эту нельзя абсолютизировать, учитывая как контекст употребления книги, так и невербальные элементы культуры, с книгой связанные. Только таким образом можно понять книгу как фактор сохранения памяти и традиции славянской культуры.

Список литературы

- Аксенова Г. В. Книжные собрания и русская рукописная книга XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 59 с.
- Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковнославянского языка. М.: Паломник, 1991. 272 с.
- Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 2–21.
- Кирьянов Д., свящ. Образование и развитие церковнославянского языка // Образование, культура, православие: пути их взаимодействия и миссия в XXI веке: материалы окружной науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск, 2002. С. 204–221.
- Лобачев С. В. Книгопечатание и раскол. Старопечатные издания Московского печатного двора как исторический источник. Опыт исследования // Русское прошлое. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Кн. 7. С. 358–376.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 151–276.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Т. 7. 672 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.

- Повесть временных лет / подг. текста, перев., вступит. ст. и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
- Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Документы Архива приказа книгопечатного дела как исторический источник. Краткая история изучения архива // Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг. М.: Наука, 2001. С. 50–73.
- Поздеева И. В. Исторические судьбы дониконовской московской печати: век XVII–XX // Книга. Исследования и материалы. М.: Изд-во МГУ, 1993. Сб. 67. С. 94–119.
- Румянцев В. С. Кружок Стефана Вонифатьева // Общество и государство в феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 178–188.
- Сазонова Н. И. У истоков раскола Русской церкви в XVII веке: исправление богослужебных книг при патриархе Никоне (на материалах Требника и Часослова). Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 296 с.
- Симеон Полоцкий. Жезл правления, утверждения, наказания и казнения. М.: Печатный двор, 10.II.–10.VI.1667. РГБ МК Кир. 2°50–6809721 154 лл.
- Скабалланович М. Толковый Типикон. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. Вып. 1. 678 с.
- Ткачев А., прот. Призванный устами младенца: Амвросий Медиоланский // Отрок.ua. 2014. № 1 (67). URL: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/prizvannyi_ustami_mladenca_amvrosii_mediolanskii.html (дата обращения: 05.05.2015).
- Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. С. 333–367.
- Флоренский П., свящ. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
- Чейф У. Л. Значение и структура языка. Пер. с англ. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 424 с.
- Шапилова Е. В. Евангелия Московского печатного двора в истории книжной культуры России 20–60-х гг. XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 19 с.

Сазонова Н. И., доктор философских наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: natalya-sib@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Sazonova N. I.

SLAVIC BOOK: THE PROBLEM OF PRESERVING AND TRANSMITTING CULTURAL HERITAGE OF THE SLAVS

The article considers the problems of the preservation and translation of the Slavic cultural heritage through the tradition of literacy in connection with a system-forming role of literacy in Slavic culture. The specificity of the written texts and their interaction with culture makes it necessary to analyse the ways and forms of dissemination of cultural heritage through written texts and their cultural content. Discusses the differences between oral and written discourses, especially the generation of the verbal text, the specifics of his understanding, different relations between sender and addressee. When writing there is a division in the perception of speech, which begins to be perceived not only as a sounding word, but also as a visual phenomenon, separated from the reader, “indifferently” him.

Analyzes the role of oral and written discourses in the Slavic culture, the perception of a written text and the problems of preservation and dissemination of cultural traditions through the book. The conclusion about the necessity to take into account the specifics of literacy, its existence and the characteristics of perception in the modern Slavic studies book.

Key words: *Slavic narrative, written discourse and oral discourse, Church Slavonic language, Liturgy, liturgical text.*

References

- Aksenova G. V. *Knizhnye sobraniya i russkaya rukopisnaya kniga XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Book compilations and Russian manuscripts of the XIXth – beginning of the XXth century. Abstract of thesis of doct. of hist. sci.]. Moscow, 2011. 59 p. (in Russian).
- Alipiy (Gamanovich). *Grammatika tserkovnoslavjanskogo yazyka* [Grammar of Old Church Slavonic language]. Moscow, Palomnik Publ., 1991. 272 p. (in Russian).
- Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classification of discourses]. *Voprosy yazykoznanija – Problems of linguistics*, 2009, no. 2, pp. 2–21 (in Russian).
- Kir'yanov D. *Obrazovaniye i razvitiye tserkovnoslavjanskogo yazyka* [Emergence and development of Old Church Slavonic language]. *Obrazovaniye, kultura, pravoslaviye: puti ikh vzaimodeystviya i missiya v XXI veke: materialy okruzhnoy nauch.-prakt. konf.* [Education, culture, Orthodox Christianity: their cooperation and mission in the XXIst century: Materials of regional scientific conference]. Hanty-Mansiysk, 2002. Pp. 204–221 (in Russian).
- Lobachev S. V. *Knigopечатaniye i raskol. Staropечатnye izdaniya Moskovskogo pechatnogo dvora kak istoricheskiy istochnik. Opyt issledovaniya* [Printing and schism. Old printings of the Moscow publishing house as historical resources]. *Russkoye proshloye* [The Russian past]. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 1996. Book 7. Pp. 358–376 (in Russian).
- Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside intellectual worlds]. *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki (1968–1992)* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside intellectual worlds. Papers. Studies. Notes (1968–1992)]. Saint-Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2000. Pp. 151–276 (in Russian).
- Makariy (Bulgakov). *Istoriya Russkoy tserkvi* [A history of Russian Orthodox church]. Moscow, Spaso-Preobrazhensky Valaamsky monastyr' Publ., 1996. Vol. 7. 672 p. (in Russian).
- Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: Sotvoreniye cheloveka pechatnoy kultury* [Gutenberg's galaxy: creation of a human being of printing culture]. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2004. 432 p. (in Russian).
- Povest' vremennykh let* [A Primary Chronicle]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996. 668 p. (in Russian).
- Pozdeeva I. V. *Istoricheskiye sud'by donikonovskoy moskovskoy pechati: vek XVII–XX* [Historical fate of pre-Nikon Moscow printings: XVII–XX centuries]. *Kniga. Issledovaniya i materialy* [The Book. Studies and materials]. Moscow, MGU Publ., 1993. Pp. 94–119 (in Russian).
- Pozdeeva I. V., Pushkov V. P., Dadykin A. V. *Dokumenty Arkhiva Prikaza knigopечатnogo dela kak istoricheskiy istochnik. Kratkaya istoriya izucheniya arkhiva* [Documents of a Printing Office Archive as historical resources. A short history of study]. *Moskovskiy pechatnyy dvor – fakt i faktor russkoy kultury 1618–1652 gg.* [Moscow publishing house – a fact and a factor of Russian culture 1618–1652]. Moscow, Nauka Publ., 2001. Pp. 50–73 (in Russian).
- Rumyantseva V. S. *Kruzhok Stefana Vonifateva* [Stefan Vonifatev's circle]. *Obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Society and state in feudal Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1975. Pp. 178–188 (in Russian).
- Sazonova N. I. *U istokov raskola Russkoy tserkvi v XVII veke: ispravleniye bogosluzhebnykh knig pri patriarkhe Nikone (na materialakh Trebnika i Chasoslova)* [Roots of a schism in the Russian Orthodox church in XVIIth century. Correction of religious books in a period of patriarch Nikon (on materials of Trebnik and Chasoslov)]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 296 p. (in Russian).
- Simeon Polotskiy. *Zhezl pravleniya, utverzheniya, nakazaniya i kazneniya* [A crosier of power, confirmation, punishment and execution]. Moscow, Pechatnyy dvor Publ., 10.II.–10.VI.1667. RSL, MK Кир. 2°50–6809721. 154 p. (in Russian).
- Skaballanovich M. *Tolkovyy Tipikon* [Explanatory Typikon]. Moscow, Sretenskiy monastyr' Publ., 2004. Vol. 1. 678 p. (in Russian).
- Tkachev A. *Prizvannyi ustami mladentsa: Amvrosiy Mediolanskiy* [Called by infant: Amvrosiy Mediolanskiy]. *Otrok.ua*, 2014, no. 1 (67). URL: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/prizvannyi_ustami_mladenca_amvrosii_mediolanskii.html (accessed 05 May 2015) (in Russian).
- Uspenskiy B. A. *Raskol i kulturnyy konflikt XVII veka* [Schism and cultural conflict]. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. Vol. 1. Pp. 333–367 (in Russian).
- Florenskiy P. *Sobraniye sochineniy. Filosofiya kulta (Opyt pravoslavnoy antropoditsei)* [Compilation of works. Cult philosophy (An experience of Orthodox anthropodice)]. Moscow, Mys' Publ., 2004. 685 p. (in Russian).
- Cheyf U. L. *Znacheniyе i struktura yazyka* [Meaning and structure of the language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009. 424 p. (in Russian).
- Shapilova E. V. *Evangeliya Moskovskogo pechatnogo dvora v istorii knizhnoy kultury Rossii 20–60-kh gg. XVII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evangel by Russian publishing house in the history of Russian book history 20's-60's of XVIIth century. Abstract of thesis of cand. hist. sci.]. Ivanovo, 2011. 19 p. (in Russian).

Sazonova N. I.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nataly-sib@mail.ru